

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: venariy@ngs.ru

КАМЕНЬ В МИРОВОЗЗРЕНИИ ХАКАСОВ (КОНЕЦ XIX – XX ВЕК) *

Статья посвящена реконструкции мифологических воззрений хакасов о камне. Он является естественной и неотъемлемой частью окружающей человека природы. Общедоступность и специфические свойства камня способствовали тому, что он закономерным образом вошел в жизнь, быт и культуру человека. Овладение им, очевидно, явилось одним из ключевых факторов, определивших зарождение и развитие человеческой цивилизации. Как известно, первый – наиболее архаичный и продолжительный этап человеческой истории называется эпохой камня, или каменным веком. Камень использовался в получении огня. Он являлся основным оружием, рабочим инструментом, строительным материалом, счетной единицей и т. д. С помощью камня и в его обработке реализовывался творческий, интеллектуальный потенциал человека. Он служил воплощением ценностных и эстетических идей, был востребованным предметом в процессах дарообмена. Кроме этого, камень стал одним из главных элементов духовной культуры, благодаря его наделению людьми чудодейственными магическими, прогностическими и апотропеистическими свойствами. Выступал в качестве важнейшего объекта религиозного поклонения и закономерно вошел в шаманскую практику. Широко использовался в народной медицине и ветеринарии, гаданиях и иной обрядности.

Ключевые слова: хакасы, верования, миф, обряд, камень, гора, человек, шаманизм, духи, судьба, душа.

Современный этап развития общества характеризуется абсолютным влиянием и ростом темпов глобализации и информатизации. Вместе с тем в последнее десятилетие среди этнических сообществ устойчиво наблюдается тенденция к сохранению и возрождению своей культуры, вызвавшая развитие процессов осмысления национальных традиций, а также оценки вклада этносов в общую сокровищницу культуры человечества. В этой связи актуальным становится

изучение традиционного мировоззрения каждого народа, в том числе и хакасов. Научная новизна представленной работы обусловлена сбором, обобщением и проведением анализа основного историко-этнографического и фольклорного материала по традиционным представлениям хакасов о камне.

Целью работы является определение мифоритуального комплекса хакасов, связанного с камнем. Исходя из этого были по-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ (НИР 6.2069.2011 «Развитие механизма интеграции фундаментальных исследований и образовательной деятельности по археологии и этнографии Северной Азии в рамках совместного Научно-образовательного центра Новосибирского национального исследовательского государственного университета и Института археологии и этнографии СО РАН»; НИР 6.1541.2011 «Особенности этнодемографических процессов в Сибири в эпоху палеометалла») и РГНФ (проект № 12-01-00199а «Священные места славянских, тюркских, финно-угорских народов в культурном пространстве Западной Сибири. Типология и сравнительный анализ (конец XIX – начало XXI в.)»).

Автор выражает благодарность ведущему этнологу ТГУ, канд. ист. наук Э. Л. Львовой и заведующему музеем канд. ист. наук Ю. И. Ожередову за помощь в работе над статьей.

ставлены следующие задачи: выявление роли камня и его образа в фольклоре и ритуальной практике, в том числе и в шаманской обрядности – домашних (семейных) камланиях и процессе коллективных молений – *тайыг*; установление его значимости в соционормативной сфере. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX – XX в. Выбор таких временных границ вызван состоянием источниковой базы по теме исследования. Работа базируется на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования основана на историко-этнографических методах – научного описания, конкретно-исторического, структурно-семантического анализа и ре-ликта.

Множество гор, скал и галечника ярко характеризует геолого-географическую особенность Хакасии, что оказало огромное влияние на то, что на протяжении тысячелетий обитатели этого региона большое значение придавали камню. В культуре хакасов ему также отводится важное место. О значительной роли этого природного объекта убедительно свидетельствует полисемантизм слова «*тас*» – ‘камень’. Оно широко и разносторонне используется в быту, обрядовой практике и в фольклоре. У хакасов под лексемой *тас* принято понимать: 1) камень (*арлыг тас / падо* – драгоценный камень, *чарых тас* – бриллиант, *суг тазы* – речной камень, *хайа тазы* – осколок скалы, булыжник, *тас салчаң* – каменщик); 2) каменный, из камня (*тас сібее* – каменная крепость, *тас тура* – каменный дом, *тас иб* – каменная юрта (фольк.), *тас тербен* – каменная ручная мельница, *тас хаза* – каменная кошара); 3) кораллы (*тас тана* – коралловая пуговица); 4) могилы (*тасха сыгарага* – ходить на могилки (в дни поминок)); 5) *перен.* чугуны, чугунный (*ах тас хуйах* – защитная панцирная одежда, *тас айах* – чугунная (плоская) чашка, *тас хазан* – чугунный котел, *тас чейник* – чугунный чайник, *тас очых* – чугунный треножник); 6) *перен.* каменный, черствый, жестокий (*тас чүрек* – каменное сердце), *иней тас* – каменная баба (священный камень), *хара тас* – каменный уголь, *имчек тас* – кварц, *тас харын* – желудочек (животных); 7) град (*тас миндир*); 8) [цвет] очень темный, черный, жгучий (*тас хара*) [Баскаков, Инкижекова-Грекул, 1953. С. 220; Хакаско-русский..., 2006. С. 600; Бутанаев,

2011а. С. 60, 66, 177]; 9) ведьма (*тас хат*); 10) каменная смола (*тас чугы*) – лекарство; 11) купорос (*көк тас*); 12) алебастр (*ах тас*); 13) асбест (*чип тас*); 14) кремнь (*отых тас*); 15) метеорит (*тикпе тас*) [Бутанаев, 1999. С. 76, 138, 142; 2011а. С. 180, 187; Бутанаев, Бутанаева, 2008. С. 67]; 16) огонь (*тас оол*, букв. ‘камень-парень’ [Боргоякова, 2000. С. 81]).

Особый, символический образ камня в мировоззрении хакасов широко представлен пословицами, поговорками и загадками. В них через призму его специфических свойств выражаются традиционные ментальные стереотипы, ассоциации и ценности, также характеризуются утилитарная деятельность и обычаи хакасов. В речевых оборотах камень часто выступает ярким образом постоянства, силы, твердости, надежности, тяжести и др. Приведем их: «*суга тастаан тас чили читкен*» – ‘[он] потерялся, как камень, брошенный в воду’ [Хакаско-русский..., 2006. С. 601]; «*тас атхан чирде чадар, хыс парган чирде чуртир*» – ‘камень лежит там, где его бросили, девушка живет там, где вышла замуж’; «*тулгу тас осхас кизи*» – ‘здоровяк (букв. человек, как сплошной камень)’ [Бутанаев, 2011а. С. 62, 728]; «*атхан ух тастаң нанмас, ысхан илчи чолдаң нанмас*» – ‘выпущенная стрела не вернется от камня, отправленный посол с дороги не свернет’, «*орыстың паары хайатас, тадарның паары нымзах паар*» – ‘душа у русского – скала и камень, душа у хакаса – мягкая печень (считалось, что у русских младенцев пуповина перерезалась на камне и поэтому у них твердый характер; в отличие от русских, у хакасов пуповина перерезалась на березовой веточке, и поэтому дети вырастают мягкосердечными)’, «*тооза тастаң сагын сыхпас, тооза кизи сын нимес*» – ‘из всех камней искры не посыплотся, не все люди верные’, «*чабал тилге тас чарылган*» – ‘от злобного языка даже камень раскололся’ [Бутанаев, Бутанаева, 2008. С. 260, 265, 269, 273, 279, 286, 292, 297]; «*тас үстүнде ас өспөөн, пайның хараана ис толбаан*» – ‘на камне хлеб не сеют, не растят, насытиться добром не может байский взгляд’, «*чатчатхан тасха торбас өс парчаң*» – ‘лежащий камень в землю врос, и мхом от этого оброс’, «*нигенің паары ниңиг пус, харындас паары хая тас, хыстың паары чаг паар*» – ‘у невестки печень / душа – холодящий лед, у брата печень / душа –

скальной камень, у девушки печень / душа – нежное сало’ [Мудрое слово..., 1976. С. 31, 39, 93, 99, 105]; «человеческий язык, что железная кожемьялка – от него расколется даже камень», «душа у брата – скала и камень» (по традиционным представлениям, брат имеет жесткое сердце, но в трудный момент на него всегда можно положиться) [Бутанаев, 2011б. С. 18, 19, 24]; «*арлыг тазым ырах чирге тастадым (сагыс)*» – ‘я далеко забросил свой драгоценный камень (мысли)’ [Баскаков, Инкижекова-Грекул, 1953. С. 220]; «*адам хрии тас хрии, ичем хрии намачы хрии (тастаң хабо)*» – ‘сторона моего отца – каменная сторона, сторона моей матери – заплаточная сторона» (кремень и трут огнива), «*хызыл мал хыйлаглыг, хызыл тазымнаң сабыглыг, хызыл хыбын тоолаглыг (отых сахханы)*» – ‘спустил курок из красного товара, получил удар по накаленному камню, посыпались красные искры (высекание огня огнивом)’, «*кичишек хара тас, ыраххы чирге сүргүн тас (харах оды)*» – ‘маленький черный камень на дальнем расстоянии (горит как) янтарь (зрачки глаз)’, «*тастаң тал ѓс партыр, талдан чуг ѓс партыр (соган)*» – ‘из камня вырос тальник, из тальника выросли перья (стрела)’, «*чирдiм чирдiм Чырбатый, чыртах харах Порбатый*» – ‘Чырбатый камень рассекал-рассекал, стал с гноящимися глазами Порбатый (огниво)’ [Бутанаев, Бутанаева, 2008. С. 215, 301, 306, 310, 311, 319, 324, 329]; «*чагынгы чирге кичишек хара тас, ыраххы чирге сургун тас (харах оды)*» – ‘вблизи маленький черный камень, вдали хрустальный камень (блестящие зрачки человека, где сосредоточена его душа)’, «*чагынгы чирге чарых тас, ыраххы чирге ыргы тас (пүүр харагы)*» – ‘на ближнем расстоянии – бриллиант, на дальнем месте – хрусталь (блестящие глаза волка)’ [Бутанаев, 2006. С. 50]; «*хапчыхтыг тазымны тастап тооспадым (сагыс)*» – ‘камешки из мешочка не смог все выбросить (ум)’ [Унгвицкая, Майнагашева, 1972. С. 272]; «по галечнику побежал мой соловый конь (древесные листья, разносимые ветром)», «железное и каменное сердце не разойдутся, как только встретятся (скот и волк)» [Катанов, 1907. С. 258, 367, 370].

В хакасской культуре камень наделен высоким семиотическим статусом, о чем свидетельствует глубокая вера в магические свойства камня. Полагали, что, используя его сверхъестественные силы, человек мог

достигнуть таинства природы и приобрести определенные блага. Такими чудодейственными качествами наделяли камень, находясь в гнезде ворона. Согласно поверью, этот камень ворон держал в своем гнезде, пока высиживал и растил своих птенцов¹. Помимо этого, в устном народном творчестве хакасов фигурирует круглый белый камень под названием «*чылан арбызы*» – ‘змеиное счастье’. Считалось, что если человек прикоснется к нему языком, то в течение зимы будет ходить сытым и станет понимать речь птиц и зверей [Бутанаев, Бутанаева, 2008. С. 118]. А обнаруживаемые на земле метеоритные осколки в виде каменных кусков (*тикпе тас*) хранились на счастье и как обереги [Очерки истории..., 2008. С. 126]. Кроме того, полагали, что в момент изменения лунной фазы и обычный камень мог исполнять сокровенные желания людей [Катанов, 1907. С. 583; Алексеев, 1980. С. 88].

Хакасы полагали, что отдельные камни обладают свойством накапливать в себе мистические силы земли и неба. Люди верили в то, что, используя эти камни, можно воздействовать на погоду. К ним относились так называемые громовые стрелы или фульгурит (хак. *чазын огы, күгүрт угы*). По своим сверхъестественным свойствам они были идентичны магическому камню *яда-таи* [Потанин, 2005. С. 141; Вербицкий, 1992. С. 64; Радлов, 1989. С. 360–361; Малов, 1947; Потапов, 1991. С. 123, 132; Бурнаков, 2006. С. 30, 62] или таинственным «камням Улгения», известным многим тюрко-монгольским народам [Бутанаев, 2006. С. 49–50].

Камень использовали в гаданиях и предсказаниях (*тас төлке*). Было распространено специальное гадание на камушках называемое «*хубанах / тастаң хубанах саларга*» [Бутанаев, 2011а. С. 104, 129, 859]. Само действие происходило следующим образом. С семи / девяти речек собирались камешки синего, желтого, черного и белого цветов общим числом сорок один. Вначале гадания эти предметы, называемые *хубанах*, складывались в одну кучу. Над ними произносилось магическое заклинание: «*Пазың тогыс, азагың сигіс ползын, он сагыңа он түссін*» – ‘Пусть в голове будет девять, а в ногах –

¹ Архив РГО. Разряд № 64. Оп. 1. Д. 29. Л. 15.

восемь, пусть на правой стороне будет удача!». После куча делилась на три части. В каждой из них откладывалось по четыре камешка до того момента, пока в них не оставалось по четыре и менее *хубанах'ов*. Они составляли верхний ряд. Их помещали на специальную доску. Остальные же камушки опять складывали в одну кучу и делили на три доли. Процедура повторялась. Остаток составлял второй ряд. И в третий раз все повторялось. В итоге *хубанах'и* складывались в три ряда по три кучки в каждом. Левая сторона обозначала противника, а правая называлась своей. Считалось, что если в верхнем горизонтальном ряду находилось девять *хубанах'ов* (по три в каждой кучке), то это было хорошим предзнаменованием [Бутанаев, 1996. С. 181–182]. Гадание на камнях было распространенной практикой среди хакасских шаманов. В результате чего в народе бытовало такое выражение, как «*хам тастаң хубанах салча*» – ‘шаман по камешкам раскладывает гадание *хубанах'*» [Бутанаев, 1999. С. 193].

Убежденность в непревзойденных магических свойствах камня привела к широкому использованию его в народной медицине (в том числе в акушерстве) и ветеринарии. Полагали, что сила камня могла благотворно влиять на здоровье человека и домашних животных, усиливать их мистическую защиту, втягивать в себя болезни и пр. Так, во время деторождения в ситуации, когда ребенок выходил вперед ногами (*тискер*), повитуха (*инейджи*) произносила заклинание следующего содержания: «Пусть плохое не будет в отцовском доме, пусть будет в лесу и камне!». Полагали, что такой новорожденный мог стать шаманом [Бутанаев, 2011б. С. 101]. При лечении желтухи (*сарыг агырыг*) наряду с другими предметами применялись девять черных галечных и семь желтых камней. Их образ представлен и в самом тексте обращения к духу этой болезни: «Ты кормишься семью желтыми камнями! Ты грызешь девять черных камней!». Для изгнания духа малярии (*тудан*) практиковалось обливание холодной водой, куда предварительно с заклинанием клали семь желтых камней. В процессе исцеления от тифа (*харан аалчы*) опять-таки были задействованы черные камни (81 шт.). В заклинаниях, направленных на борьбу с духом, наславшим конъюнктивит (*пур*), обязательно фигурировал этот природный объект: «Счи-

тая камни и песок, спустись в родник, уходящий под землю! Пур, пур, пур!». Чтобы избавиться от чирья (*сис*), произносили заклятье с непременным пожеланием метаморфозы в камень: «Превратись в камень и окажись на скале, где не было камней!». Кремневый камень употреблялся для высекания искр при борьбе с паршей (*ходыр*). Лечение рожи также проводилось с применением камня, на который «сплевывалась» болезнь: «Первый раз плюну – под первый слой земли пусть уйдет! Пусть на человека не опускается! Пусть упадет на черный камень!» [Бутанаев, 1995. С. 6–7, 10, 13–16, 18]. Для излечения от сердечно-сосудистых и других заболеваний обращались к менгирам и каменным изваяниям [Бурнаков, 2006. С. 26–27]. Реликты воззрений об исцеляющих возможностях камня представлены и в героической эпике. Так, в богатырском сказании «Алтын Арыг» приводится сюжет, указывающий на лечебный потенциал камня:

«Абахайның чаксызы
Алтын Арыгны арыглабысхан,
Чалбас тастың үстүне
Чатырып, имнеп-томнабысхан»

‘Лучшая из женщин
Обмыла Алтын Арыг,
На широкий камень
Ее положила и стала лечить’
[Алтын Арыг, 1988. С. 61, 303].

В народной ветеринарии широко использовался галечный камень с естественным отверстием – *үтмиг тас* (см. рисунок). Посредством его практиковалось лечение коровьих сосков. Для этого заболевшее животное доили сквозь отверстие данного магического предмета, а полученное молоко давали выпить собаке. В связи с этим в прошлом хакасы говорили: «Мы имеем обыкновение привязывать этот камень с отверстиями к ведру и носить его вместе (с ведром)» [Катанов, 1907. С. 584].

Камень был востребован и при отправлении общественных обрядов жертвоприношений – *тайыг*, так, например, им обкладывали березу – персонификацию образа мирового древа [Катанов, 1897. С. 31]. Он выступал в качестве важнейшего жертвенного приношения при переходах через горные перевалы. В таких местах, как правило,

Магический камень «Ўттиг тас» – букв. ‘камень с отверстием’ (из фондов Музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского Томского государственного университета, № 7463-3. Без масштаба. Фото автора

из камней, ветвей и шестов возводили священную грудку – *обаа*², что нашло отражение в соответствующих топонимических обозначениях – «*обаалыг пил*» – ‘седловина горы с насыпью’ или «*тас тастаджан пил*» – ‘перевал, где бросают камни’ [Бутанаев, 2011а. С. 152, 419; 2011 б. С. 194]. Каменное сооружение *обаа* было посвящено духам-хозяевам местности и являлось их алтарем. Верили, что исполнение ритуала

обеспечивало не только благополучие в пути, но и долгую жизнь всем странствующим и др. В особых случаях у *обаа* совершались и кровавые жертвоприношения [Катанов, 1909. С. 282–283]. Мужчины, как правило, бросали камни, поднятые во время восхождения, а женщины втыкали со стороны востока ветви от берез. Человек, впервые проходивший через перевал, обязан был повязать ритуальную ленту – *чалама*. Кроме того, верующими производится троекратный обход по солнцу вокруг *обаа*, кропление молочными (спиртными) напитками и подношение пищи. При этом всегда произносится традиционное благопожелание (*алгыс*): «*алным ачых ползын, ал соом туйух ползын*» – ‘пусть будет моя передняя сторо-

² Термин «*обаа*» в хакасском языке и культуре имеет несколько значений: 1) ритуальная каменная насыпь на перевалах; 2) культовые каменные изваяния, курганные камни, стелы, плиты. Сюжет темы археологических памятников будет рассмотрен отдельно.

на открытой, пусть будет задняя сторона закрытой» [Бутанаев, 2003. С. 33–34; 2011а. С. 218; Очерки истории..., 2008. С. 157–158] или же «*чолым азыл ползын*» – ‘пусть дорога будет открытой’. Около сакральной насыпи запрещалось смеяться и петь песни, а в ночное время даже подниматься туда. Беспрекословность исполнения данной обрядности была обусловлена сложившейся ментальной установкой хакасов, выразившейся следующими поговорками: «*обаалыг тилде сырбагы тастабаза чазы хысха пол парар*» – ‘если не бросить прутья на священную насыпь *обаа* на перевале, то жизнь укоротится»; «*обаа иңзерілзе кізі чох пол парар*» – ‘если разрушится *обаа*, то люди пропадут» [Бутанаев, 2011а. С. 447, 608]. Наряду с этим, в формате переосмысленной традиции, *обаа* отождествляется не только с духами-хозяевами местности, но и с захоронениями легендарных царей-полководцев либо близких им людей. Так, согласно фольклору, на горной гряде «*Пис таг*» – ‘Пять гор’ (Аскизский р-н РХ) располагается могила погибшего здесь хана. Она сверху засыпана камнями. По традиции каждый проезжающий совершает поклонение этому месту [Бурнаков, 2006. С. 24]. На горе же Куня (хак. *Күңү таг* – Усть-Абаканский р-н РХ) в прошлом располагались две каменные возвышенности. По легенде, данные *обаа* представляли собой захоронения двух жен кыргызского князя, погубивших друг друга из ревности к нему. Среди местных жителей это место пользовалось большим почтением, в связи с чем окружной минусинский начальник Н. А. Костров в середине XIX в. отмечал, что «если качинцу (хакасу. – В. Б.) случается ехать мимо этих могил, то он останавливается, слезает с лошади, берет два камня и кладет по одному на каждую из могил» [1852. С. 23–24]. Кроме того, *обаа* сообразались в ознаменовании важнейших событий, произошедших в жизни народа, для сохранения его исторической памяти. Подобная священная гряда располагалась на вершине горы *Уйтаг* (Аскизский р-н РХ). Аналогичным священным пространством является и гора «*Хан обаазы*» – ‘Царская ритуальная гряда’, находящаяся на правом берегу р. Абакан (близ селения Маткечик, Бейский р-н РХ). История сакрализации этого места восходит к началу XVIII в. Согласно историческим фактам, в 1703 г. произошёл угон джунгарами части хакасов.

По преданию, монголы, чтобы узнать численность угоняемого населения, обязали каждого человека взять по одному камню и бросить в общую кучу. В результате образовалось *обаа*. Оставшиеся камни, изначально выступавшие счетной единицей, со временем стали ассоциироваться с памятью о предках и происшедшем историческом событии.

В традиционном мировоззрении хакасов камень (скала) часто воспринимается в качестве сакрального объекта, порождающего и хранящего жизнь. Верили, что помимо Неба и родовых гор (камней), откуда исходили души младенцев, ключевыми «эмбриональными» центрами являлись определенные горы: *Ымай тас* (букв. камень Умай), *Ымай хазың таг* (букв. гора березы Умай), а также женские каменные изваяния *Тулуң обаа* – стела с заплетенными косами [Бутанаев, 2011б. С. 94; Очерки истории..., 2008. С. 160], *Улуғ Хуртуях Тас* (Большая Каменная Старуха) и др. Мысль о порождающей силе камня (скалы / горы) красной нитью проходит и в эпическом творчестве. Так, в ряде богатырских сказаний скала предстает материнской утробой, от их камня появляются на свет герои – великие богатырки или богатыри-мужи [Майногашева, 1997. С. 430]. В одноименном эпосе главная героиня *Алтын Арыг* вместе со своим богатырским конем рождается на широком камне внутри Белой Скалы [Алтын Арыг, 1988. С. 266, 541]. В героическом сказании «Ай Хуучин» подобным же образом появляется на свет и богатырь Хыйга Чичен со своим конем:

*«Чир пөзігі Ах сында
Чалбах таста чада төреен
Чайаан чахсы хулуны
Хыйбас ханаттыг хызыл хоор ат,
Сыннын пөзігі Ах сында
Алтын Хайада пүткен
Худай Чайаан алыбы
Изебі чох Хыйга Чичен»*

‘На вершине земли – [хребте] Ах-сын
На широком камне сам собою родился
Достойный жеребенок Чайаана –
Косокрылый Красно-каурый конь,
На высочайшем хребте Ах-сын
Внутри [скалы] Алтын-Хайа родился

Богом Чайааном сотворенный богатырь –
Могучий Хыйга Чичен’.

[Хакасский героический..., 1997.
С. 340–341].

Гора / скала (камень), как точно подмечает И. Л. Кызласов, выступала не только источником и местом нахождения всей жизненной силы рода, ресурсов его воспроизводства. Ученый пишет, что «воплощаясь в конкретных людях, жизнотворная сила рода выходила из священной горы в окружающий мир небольшими частями. По истечении срока пребывания в нем отдельные представители рода, являясь элементами единого целого, неизбежно возвращались в скалу, с тем, чтобы вновь слиться с этим “родовым единством” и послужить материалом для создания новых людей. Такой круговорот мыслился неизбежной и непрерывной основой вечного существования рода. Именно будучи источником рода, священная гора являлась и могилой его членов. Так осознавалось реальное социально-экономическое единство древнего коллектива» [Кызласов, 1982. С. 88]. Данная идея находит подтверждение и в фольклоре. В эпическом творчестве совершенно не случайно то, что «рожденная из камня внутри белой Скалы» богатырша Алтын Арыг после своей гибели в родовой усыпальнице – скале, превращается вместе со своим конем в песок и гальку [Алтын Арыг, 1988. С. 223, 464]. Во многих фольклорных текстах герои в предначертанное для них время возвращаются в гору (скалу), где их ожидают каменные гробы и посмертные лежа [Хакасский героический..., 1997. С. 196–197; Бурнаков, 2006. С. 139]:

*«Алты хурлыг Ах хайага
Айланьт, хучахтап кирген,
Чарых тас хомдага
Чаттырыбысхан чачазын.
Чарнына чап теендег хомдызы,
Иңнине ипттеп иткендег»*

‘К скале Ах-Хайа с шестью уступами
Возвратилась, в своих объятиях [тело]
внесла

В светлокаменный гроб
Старшую сестру свою уложила.

Будто по мерке ее спины гроб сделан,
Будто по ее плечам сделан’

[Хакасский героический..., 1997.
С. 196–197].

«Я же по склону крутому
К вершине взберусь
И к основанию белой скалы поднимусь,
Дверь золотую в белой скале распахну,
В срок свой
На ложе из белого камня взойду,
Ясные очи на вечное время сомкну,
Сном беспробудным

На каменном ложе усну»

[Баинов, 2007. С. 94].

В представлениях народа, кроме того, наряду с прочими условиями, чрезмерно каменистый ландшафт был одной из характерных особенностей Нижнего мира. Эти взгляды отразились в фольклоре: «Вот край! – ни солнца, ни луны / Лишь черный мох, да валуны» [Алтын Арыг, 1988. С. 119].

В традиционном мировоззрении такие состояния человеческого тела, как окаменелость и неподвижность выступали выразительными символами смерти. Как известно, закаменение / окаменение и отсутствие движения тела наряду с прекращением дыхания являлись основными показателями кончины человека. Камень выполнял существенную роль и в традиционной похоронной обрядности хакасов, в которой осуществлял апотропейную и замещающую функции. Так, в жилище после выноса тела умершего, на том месте, где располагался гроб, помещали круглый черный камень «*хара тас*»³, взятый с берега реки. При отправлении ритуала старики произносили следующее заклинание: «Если сюда вернется дьявол, съевший тебя, то пусть грызет этот камень! Пусть больше не будет в этом доме покойников, лучше пусть будет лежать камень *хара тас*! Пусть он займет твоё место!». На седьмой (сороковой) день камень относили на могилу или выбрасывали за околицу в сторону кладбища со словами: «Возьми свой черный камень *хара тас*! Пусть уйдет из дома вместе с ним черная душа *харазы*». Нередко обряд изгнания зловредной души *харазы* повторялся через год,

³ Такой камень также именовали «*хам кӧдӱр пол-бас хара тас*» – ‘черный камень, который не сможет поднять шаман’ [Бутанаев, 2011б. С. 143].

но уже с участием шамана. При этом наряду с другими предметами опять-таки использовался черный камень в количестве девяти штук [Бутанаев, 1996. С. 158, 166–167]. Схожая похоронная традиция с магическим использованием камней имела место и у монголов [Мэнэс, 1992. С. 119; Бутанаев, 2011б. С. 144].

Среди хакасов бытовало представление о том, что камень как мистический объект мог обладать еще и мощными разрушительными, деструктивными свойствами, направленными на смерть, а также выражал результат посмертного воздаяния. Убежденность в этом выявляется во всевозможных заклятиях, например, таких как: «*хатыг чүрегін тасха наалзын!*» – ‘пусть твое твердое сердце наткнется на камень!’, «*тізің тасха теңзің!*» – ‘пусть твои зубы наткнуться на камень!’ [Бутанаев, Бутанаева, 2008. С. 345, 346, 357, 358], «*таран хырача тас нүтсін!*» – ‘пусть на посеянной пашне образуются камни!’ [Бутанаев, 1996. С. 190, 205], «пусть войдет в твою глотку камень, пусть твои уши наполнятся песком!» [Бутанаев, 2011б. С. 35], «пусть распухнет огромной горой, камнем застынет, рассыплется прахом-трухой!» [Баинов, 2007. С. 30]. В героических сказаниях упоминается «дом из черного камня», с которым связан мотив жесточайших пыток врагами-чужеземцами (демонами) плененных ими богатырей и других персонажей «солнечной земли»: «*Хара тас ибі / Хызара күйіп турадыр*» – ‘Из черного камня дом / Красным огнем полыхает’ [Хакасский героический..., 1997. С. 256–257]. В эпосе «Алтын Чюс» приводится сюжет, когда злой богатырь по имени Алып Хартака использует камень для истязаний людей:

«Потом он из-за пазухи младенца достал,
На камне плоском его распластал.
Мечом заостренным, мечом железным
Начал он младенца кромсать и резать.
Младенца он мучает и терзает»

[Алтын Чюс, 1987. С. 155].

В сказании «Хан-Тонис на темно-сивом коне» представлено описание борьбы богатырей. В процессе единоборства главный герой побеждает своего соперника, используя при этом опять-таки камень:

«В мощных объятьях
Хан-Тонис противника сжал,
К камню громадному
Хара-Хусхуна прижал.
Громко хрустеть
Хусхуновы косточки стали,
И, будто веточки, ребра его затрещали»
[Баинов, 2007. С. 101].

Была распространена вера в то, что в потустороннем мире люди, совершившие множество тяжких грехов, несли особое наказание. Они были обездвижены, так как их «придавливал огромный камень» [Бурнаков, 2006. С. 48]. Схожие воззрения о «страданиях от камня», а также посмертном воздаянии бытовали и у монголов. Они считали, что одно из невыносимых мучений ада заключалось в том, что грешнику разбивали голову на каменной плите камнем, похожим на корову [Потанин, 2005. С. 744].

Особое значение придавалось камню и в обрядовой практике шаманов, в том числе связанной с их посвящением. Каждый неопит (наа паспах), на пути своего становления, обязан был совершить мистическое путешествие к патрону шаманов – *Адам-хан’у* (*Эрлик-хан’у*). В общественном сознании это соответствовало получению легитимного права на обрядовую деятельность (см.: [Потапов, 1991; Алексеев, 1984; Бутанаев, 2006; Бурнаков, 2011] и др.). Будущий кам во время своего странствия обязан был преодолеть всевозможные препятствия и опасности (*поолта*), а по пути угождать и заручаться поддержкой многочисленных сверхъестественных существ, в том числе и духов-хозяев природных стихий и объектов – огня, гор, рек, камней, березы и пр. В процессе посвящения обязательным требованием для многих шаманов было прохождение сквозь «*хамнар үтчең үтүг тас*» – ‘камень с отверстием для прохождения шаманов’ (находился в верховьях Абакана, на левом берегу).

Заслуживает внимания тот факт, что в мифологическом сознании камень нередко выступает персонифицированным центром особого пространства. У хакасов он ассоциировался с пороховым, приграничным местом – входом в Нижний мир. Образ камня довольно часто фигурирует при описании контактов живых людей с инобытием [Бурнаков, 2006. С. 37, 48]. Верили, что сквозь камень «*үтүг тас*» отправлялась в свой по-

следний путь душа умершего – *үзүт*. Прохождение через него, очевидно, служило символическим актом рождения нового шамана, а душа умершего окончательно ввергалась в пучину инобытия. Камень в мифологических представлениях, подобно горе, воспринимается в качестве материнской утробы. Нужно отметить, что, по представлениям северных алтайцев – челканцев и кумандинцев, души умерших людей также отправлялись в местность «Уйту-таш», расположенную в бассейне р. Абакан [Потапов, 1974; Дьяконова, 1975. С. 66; Бутанаев, 2011б. С. 131]. Этот факт свидетельствует об этногенетических и культурных связях хакасов с данными этническими группами алтайцев. Вместе с тем можно констатировать и то, что прохождение человека (души) сквозь отверстие в камне (и его аналогов), знаменующее переход в новое символическое состояние, было широко распространенной ритуальной практикой в культуре многих сибирских народов [Кагаров, 1929].

Другим, не менее важным поклонным камнем, встречаемым на пути в шаманских путешествиях, являлся «*Хам харачаң хара тас, хара сүбе нүриктиг*» – ‘Черный камень для обозрения шаманов, имеющий шапкой черную пихту’. Он располагался в водах Верхнего Абакана. Для шаманов это место представлялось крайне опасным, так как враждебно настроенные камы здесь часто устраивали засады своим соперникам и пытались их погубить [Бурнаков, 2011. С. 242].

Непременным условием каждого шаманского посвящения было испытание силы новичка. В этом процессе был задействован «камень величиной с корову» под названием «*Хамнар ханчаң хара тас*» – ‘Черный камень, поднимаемый шаманами’. Его необходимо было поднять словно гирию. Со слов шамана Т. Юктешева, осуществившего ритуальную деятельность в середине XX в., «теперешние шаманы не только поднять, но и шевельнуть не могут этот камень» [Там же].

По данным фольклора, в прошлом великие шаманы имели специальные каменные жезлы – *тас орбалар*, наделенные непревзойденной мистической силой. Полагали, что некоторые из них спрятаны на дне Абакана и в дальних горах. Согласно повествованию, некий бай Нартас Азраков в горах обнаружил *тас орба* и втайне от всех стал камлать ею. В результате он получил покрови-

тельство горных духов и быстро разбогател [Бутанаев, 2006. С. 103–104].

Хакасы были убеждены, что магические силы камня могли быть направлены и непосредственно против самих шаманов. Для того чтобы лишить сил зловредного шамана (*чеек хам*), применяли и кремневый камень. С этой целью кама троекратно пропускали через металлический таган (*очых кинтирге*), на голову надевали узду. Камнем для высекания огня на лбу до крови процарапывали линию или крест. Выступающую кровь протирали тряпкой, которую затем сжигали в огне [Там же, 2006. С. 20–21, 67]. В связи с данной обрядовой практикой и значимой ролью кремня, в народе сложилась поговорка – «*хам чаргызы отых тас, абыс чаргызы тугее*» – ‘суд над шаманом (совершают) кремнем, (которым чертят до крови лоб), суд над попом (совершают) дугой (которую надевают на плечи)’ [Бутанаев, Бутанаева, 2008. С. 270, 294]. Кроме того, могилы ненавистных шаманов заваливались громадными глыбами камней [Бутанаев, 2006. С. 46–47], чтобы те «не смогли оттуда выйти».

Образ камня был широко представлен и в культе предков. Следует отметить, что у хакасов он имеет свою особенность, которая проявляется в том, что традиционные воззрения о далеких пращурах тесно связаны с оролатрией. Гора одновременно воспринимается в качестве прародительницы и обители предков. Она наделяется огромным эмбриональным потенциалом [Кызласов, 1982; Алтын Арыг, 1988. С. 266, 535, 541; Бутанаев, 1996. С. 15, 170; Хакасский героический..., 1997. С. 430, 446; Бурнаков, 2006. С. 16–42]. В традиционных представлениях хакасов камень, как уже отмечалось, выступает олицетворением горы. Это, например, нашло яркое отражение в таких хакасских оронимах, как: «*Хол тас* (букв. каменная рука)» – ‘г. Кулдаш’, «*Ал тас* (букв. алый камень)» – ‘г. Алдаш’, «*Истиг тас* (букв. камень с сокровищами)» – ‘г. Истигташ’, «*Пахтас* (букв. камень обозрения)» – ‘г. Пахташ’, «*Сюгур тас* (букв. остроконечный камень)» – ‘г. Сюгурташ’, «*Ымай тас* (букв. камень богини Умай)» – ‘г. Майдаш или Калягин’, «*Лулан тас* (букв. каменный лось)» – ‘г. Буланташ’ – название одной из вершин горы Борус, «*Тахыр тас* (букв. короткий камень)» – ‘г. Тагар-таш’, «*Тас хыраң* (букв. каменный отрог)» – ‘г. Тас-

хыран', «*Тибетас* (букв. каменный холм)» – 'г. Тибетас' и др. [Бутанаев, 2011б. С. 199, 200, 205]. Очевидно, что отождествление камня и горы было типичным явлением во многих традиционных обществах, например, совершенно не случаен тот факт, что и в русской культуре камнями называли высокие горы. Так, наименования Уральский или Саянский камень соответствовали горам – Уралу и Саянам. В религиозном сознании, как уже было сказано, камень, подобно горе, наделяется огромной порождающей силой и всеохватной витальностью. Мысль о семантической общности образов горы и камня полностью спроецирована и на каменные изваяния. В связи с этим вполне справедлив вывод Л. Р. Кызласова о том, что образ каменных изваяний (камня) восходит к архетипическим представлениям о мировой горе [1986. С. 191–192, 199, 203]. Среди хакасов и в настоящее время сохраняется убежденность в том, что территория, где расположены священные камни, является излюбленным местом горных духов [Бурнаков, 2006. С. 134, 152, 169].

Таким образом, можем констатировать, что в культуре хакасов камню отводилась важнейшая роль. Он широко использовался в обрядовой деятельности народа. В традиционном сознании камень наделялся сакральными свойствами, связанными с культурами плодородия и предков. Верили в его мощную жизнепорождающую потенцию. Камень был одним из ключевых элементов круга мифологических представлений о жизни, смерти, судьбе, изобилии и пр. Ему придавалось большое значение в шаманской практике. Камень выступает устоявшимся символом многих граней человеческой жизни.

Список литературы

- Алексеев Н. А.* Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. 317 с.
- Алексеев Н. А.* Шаманизм тюркоязычных народов Сибири (опыт ареального сравнительного исследования). Новосибирск: Наука, 1984. 232 с.
- Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос. М.: Наука, 1988. 592 с.
- Алтын Чюс // Алтын Арыг: Богатырские сказания, записанные от С. П. Кадышева. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1987. С. 133–229.
- Баинов М. Р.* Хан-Тонис на темно-сивом коне. Героическое сказание. Новосибирск: Новосибир. кн. изд-во, 2007. 387 с.
- Баскаков Н. А., Инкижекова-Грекул А. И.* Хакасско-русский словарь. М.: Главиздат, 1953. 487 с.
- Боргоякова Т. Г.* Краткий хакасско-русский фразеологический словарь. Абакан: Изд-во ХГУ, 2000. 144 с.
- Бурнаков В. А.* Духи Среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 197 с.
- Бурнаков В. А.* Путешествие к Адамхану: камлание хакасского шамана Туда Юктешева // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. 2011. Т. 10, вып. 3: Археология и этнография. С. 236–244.
- Бутанаев В. Я.* Хакасская народная медицина // Народная медицина Хакасско-Минусинского края. Абакан: Хакасия, 1995. С. 3–24.
- Бутанаев В. Я.* Традиционная культура и быт хакасов. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1996. 224 с.
- Бутанаев В. Я.* Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: Хакасия, 1999. 240 с.
- Бутанаев В. Я.* Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан: Изд-во ХГУ, 2003. 260 с.
- Бутанаев В. Я.* Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан: Изд-во ХГУ, 2006. 254 с.
- Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И.* Мир хонгорского фольклора. Абакан: Изд-во ХГУ, 2008. 376 с.
- Бутанаев В. Я.* Русско-хакасский словарь (около 15 тыс. слов). Петропавловск: Полиграфия, 2011а. 940 с.
- Бутанаев В. Я.* Особенности культуры и быта тюрков Саяно-Алтая. Астана: Кантана Пресс, 2011б. 440 с.
- Вербицкий В. И.* Алтайские инородцы. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1992. 270 с.
- Дьяконова В. П.* Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука, 1975. 164 с.
- Кагаров Е. Г.* Шаманский обряд прохождения сквозь отверстие // Докл. АН СССР. 1929. С. 189–192.
- Катанов Н. Ф.* Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сент. 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань: Типо-Литография Имп. Казанского ун-та, 1897. 104 с.
- Катанов Н. Ф.* Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов:

(Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. В. Радловым). СПб., 1907. Т. 9. 640 с.

Катанов Н. Ф. Предания присаянских племен о прежних делах и людях // Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина (Записки ИРГО по отд. этнограф., 1909. Т. 34). СПб.: [Тип. В. Ф. Киршбаума], 1909. С. 265–288.

Костров Н. А. Качинские татары. Казань: [Тип. Губ-го правл-я], 1852. 66 с.

Кызласов И. Л. Гора – прародительница в фольклоре хакасов // СЭ. 1982. № 2. С. 83–92.

Кызласов Л. Р. Древнейшая Хакасия. М.: Изд-во МГУ, 1986. 295 с.

Майногашева В. Е. Комментарии к переводу // Хакасский героический эпос: Ай-Хуучин. Новосибирск: Наука, 1997. С. 430–448.

Малов С. Е. Шаманский камень «яда» у тюрков Западного Китая // СЭ. 1947. № 1. С. 151–160.

Мудрое слово. Хакасские пословицы, поговорки и загадки. Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1976. 127 с.

Мэнэс Г. Материалы по традиционной похоронной обрядности захчинов МНР конца XIX – начала XX вв. // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск: Наука, 1992. С. 112–127.

Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности). Абакан: Изд-во ХГУ, 2008. 672 с.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. 2-е изд. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2005. 1026 с.

Потапов Л. П. Заметка о происхождении челканцев-лебединцев // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. С. 304–313.

Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. 321 с.

Радлов В. В. Из Сибири: страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.

Унгвицкая М. А., Майногашева В. Е. Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1972. 312 с.

Хакасский героический эпос: Ай-Хуучин. Новосибирск: Наука, 1997. 479 с.

Хакасско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

Список источников

Архив РГО. Разряд № 64. Оп. 1. Д. 29. Рукопись Н. И. Попова «Сведения и материалы для изучения поверий, сказаний, суеверных обычаев и обрядов у качинских татар». 1880. 25 л.

Материал поступил в редколлегию 10.05.2013

V. A. Burnakov

STONE IN OUTLOOK OF KHAKASSES (END OF XIX – XX CENTURIES)

Article is devoted to reconstruction of mythological views of Khakas about a stone. It is a natural and integral part of the nature surrounding the person. General availability and specific properties of a stone promoted that it naturally entered into life, a life and culture of the person. Mastering by it, obviously, was one of the key factors which have defined origin and development of a human civilization. It is known that the first – the most archaic and long stage of human history is called as an era of a stone or the Stone Age. The stone was used in receiving fire. It was the main weapon, the working tool, a construction material, calculating unit, etc. By means of a stone and in its processing the creative, intellectual potential of the person was implemented. It served as an embodiment of valuable and esthetic ideas. I was a demanded subject in daroobmenny processes. Also I became one of the main elements of spiritual culture. It was allocated with miracle magic, predictive and apotropeyny properties. It was widely used in traditional medicine and veterinary science, fortune-telling and other ceremonialism. I acted as the most important object of religious worship and naturally I entered into shaman practice.

Keywords: Khakasses, beliefs, myth, ceremony, stone, person, shamanism, spirits, destiny, soul.